

Метод гуманной дрессировки начал применяться с конца прошлого века. Карл Гагенбек попробовал учить животных с помощью кормления и ласки. Это была счастливая мысль. Ее подхватили и начали развивать. Известный дрессировщик С. Саразани говорил: «Дрессировка зверя не что иное, как познание души и характера зверя».

Работать стало легче и... труднее. Труднее, потому что психологический метод требует тонкости, в том числе и душевной, в подходе к животному, любви к нему. Если сколько людей — столько и характеров, то позвольте мне этот же принцип применить и к зверям: сколько зверей — столько и характеров. Познать эти характеры — значит действовать не по шаблону, а к каждому зверю подходить индивидуально, в соответствии с особенностями каждого. Это хлопотливее. Запугать зверя угрозами не мудрствуя лукаво — легче.

Мы теперь все чаще употребляем выражение «воспитание зверя», а не укрощение; под дрессировкой понимаем его обучение.

Когда К. Гагенбек стал пробовать свои новые методы, он еще не знал, как объяснить научно то, что происходит со зверем в результате такого неожиданного к нему отношения. Академик Павлов открыл условные рефлексы и расширил высшую нервную деятельность животных. Именно труды Павлова помогли мне осознать возможности психологического подхода в исследовании характера зверя, они указали пути к пониманию и оценке характера зверей в целом и по тонким частностям. Единство физического и психологического — этому тоже научил меня Павлов.

За многие годы работы дрессировщиком у меня сложилась определенная метода, которая всегда почти дает хорошие результаты. Когда подготовительная работа за кулисами закончена, тигры выпускаются в манеж. Завидев расставленный здесь реквизит — зафыркают, прижмут к голове уши и будут сначала боязливо держаться подальше от незнакомых предметов. Но вот Акбар, осмелев, с ворчанием медленно приближается к тумбе. Я люблю наблюдать их первое знакомство с неизвестными, непонятными, а потому таинственными предметами.

Не дойдя до тумбы двух шагов, вытянув вперед морду, Акбар пытается обнюхать «незнакомку», но чего-то пугается и отскакивает в сторону. Однако любопытство сильнее, и он снова подходит и осторожно трогает тумбу лапой. Тумба не подает признаков жизни. Значит, ее можно попробовать и на зубок. Когда он убеждается, что окружающие предметы не таят в себе опасности, успокаивается.

Вслед за Акбарам следуют Бемби. Звери больше полагаются на свое зрение, чем на обоняние. Освоившись, они уже чувствуют себя в манеже непринужденно. А раз так — значит, можно и порезвиться.

Теперь я могу вплотную подойти к клетке, позвать зверей, предложить им по кусочку мяса. Потом я начну прохаживаться вдоль клетки, предоставив зверям «любоваться» моей персоной, привыкать к моим движениям и, кто знает, поразмышлять над ними. На это уходит обычно около трех часов. Если я чувствую, что звери спокойны, я вхожу к ним в клетку и сейчас же начинаю обильное угощение с вилки, имея на всякий случай в другой руке палку. Шедрое угощение должно создать у них приятное впечатление о пребывании в манеже.

Наперебой отталкивая друг друга, звери хватают мясо, утоляя голод. Я едва успеваю надевать мясо на вилку. Они бесце-

Отрывок из книги «Ты покоришился мне, тигр», выходящей в издательстве «Искусство».

ВОСПИТАНИЕ, А НЕ УКРОЩЕНИЕ

А. АЛЕКСАНДРОВ-ФЕДОТОВ, народный артист РСФСР

ременно наступают на меня, так что приходится поспешно отскакивать в сторону — не то «погладят».

Теперь, ублаженных и спокойных, их можно сажать на свои места, которые уже распределены у меня заранее с учетом характерных особенностей каждого и предполагаемых трюков. Предстоит проверить те открытия, которые были сделаны умозрительно, о характерах тигров.

К сегодняшнему дню ученики привыкли к инструментам дрессировки. Знают, что их могут угостить мясом, только пока еще не очень понимают — за что. Но и это им вскоре станет абсолютно понятно.

ТЕПЕРЬ я приступаю к пробе трюков, пока еще совсем элементарных, которые я наметил в соответствии с подмечеными мной индивидуальными особенностями тигров. Я знаю, что звери внесут свои поправки мою композицию, и с радостью приму их. В некоторых случаях я мог ошибиться или чего-то недоучесть, и они сами подскажут и уточнят свои «артистические» склонности. Действуя с ними согласованно, где-то идя и на компромисс, преодолевая сопротивление, добиваюсь постепенно полного подчинения и повиновения.

Репетиция наша — это не угнетение, а творческое содружество. Как это говорится в наставлениях родителям? Приучайте ребенка работать, играя. Так и я с тиграми. Только тогда зверь почувствует себя свободно, когда он в игривом настроении, когда с ним забавляются. Вот тут-то больше всего и проявляются его наклонности.

Так, Бемби однажды, играя, сделал на тумбе стойку на «офф» — то есть встал на задние лапы. Я это запомнил. Потом, идя на трюк «ковер», он снова по моему случайному движению бичом встал на «офф» уже в манеже. Тогда я решил: пусть так на задних лапах идет он на этот «ковер». Сказано — сделано. Мы отрепетировали этот трюк, и он вошел в репертуар.

С первых же репетиций я стараюсь привыкнуть их к тем движениям, которые только разрешено им будет делать в манеже. Так легче и мне, и зверям. Конечно, самый образцовый и сметливый мой ученик не имеет никакого понятия о смысле того, что он делает, хотя, может быть, он и испытывает удовольствие от ловко проделанного прыжка.

Благодаря хорошей памяти, без которой в тайге не проживешь, зверь запоминает мои сигналы и соответствующие им свои движения. Моя задача — удержать их в рамках этих поступков, не давая им уклоняться от намеченного и отрепетированного пути, следить, чтобы у них не возникали «вольнодумные мысли». Я для них — движущаяся преграда, сдерживающий центр, не данное им природой дисциплинирующее начало.

Каждый зверь имеет свою, персональную тумбу в манеже, стоящую всегда на определенном месте. Приходить на тумбу и уходить с нее зверь должен всегда одним и тем же путем. Отклонение с курса карается окриком или тушевкой. Ни одному тигру никогда нельзя разрешить преобретать этими строгими правилами, иначе, пойдя в сторону, он встретится с другим зверем, с которым он встречаться не должен, и затеет с ним драку или игру, а это нарушит строй представления. Если зверь сегодня сделал отступление и я не обратил на это внимания, то, будьте уверены, завтра он сделает то же и еще что-нибудь в придачу. Поэтому так строго надо следить за пунктуальным поведением зверей в манеже.

ВЫРАБОТКА РЕФЛЕКСА на том и основано, что каждый день все повторяется, и совершенно одинаковыми приемами. Очень скоро это переходит в привычку, и зверь начинает многое исполнять машинально, не «задумываясь». И будет повторять одно и то же движение столько раз, сколько нужно мне.

Но среди трюков есть и такие — например, прыжок в огненное кольцо, — к которым звери относятся сознательно. Они должны сосредоточиться перед исполнением такого трюка, собрать все свое внимание.

По манежу и я двигаюсь всегда по одному и тем же траекториям. Если бы какой-нибудь аппарат записывал схему моих движений, то кривые каждый раз совпадали бы. К этому звери тоже привыкают. И если во время работы что-то вынуждает меня отступить от принятых маршрутов и мне приходится идти «непроторенными тропами», то надо принимать всякие меры предосторожности, обеспечивающие безопасность.

Всякое изменение мизансцен, перестановка реквизита или перекомпоновка трюков могут быть сделаны только после репетиций. Экспромтом, во время работы, такие нововведения могут показаться зверям странными, выбить их из колеи, приведут к неповиновению.

Тигр Цезарь — очень дисциплинированный «артист», трюк «баланс на шаре» в течение многих лет исполнял безупречно. Акбар же испортил ему всю му-

зыку. Рельсы, по которым катался шар, находились в трех метрах от Акбара. Цезарь вскакивал на шар и поворачивался к Акбару спиной. Вначале, пока Акбар был молод и рассеян, он как-то не обращал на спину Цезаря никакого внимания. Но когда подрос... Какой же уважающий себя тигр не прыгнет на спину, которая с ним совсем рядом! И Акбар однажды прыгнул. Он набросился на Цезаря со злостью и сильно прихватил клыками заднюю лапу. Несмотря на отчаянную попытку Цезаря удержаться на шаре, Акбар таки стянул его оттуда. Потеряв равновесие, Цезарь неудобно упал на манеж. Его пришлось лечить и от укусов, и от ушибов.

Выздоровев, Цезарь пришел на репетицию, но исполнять трюк на шаре отказался. Ни моя настойчивость, ни разные комбинации, ни перестановка рельсов в другом направлении, ни перекраска шара — ничто не подействовало.

Я решил подождать месяца два-три в надежде, что Цезарь забудет печальный случай, свое ранение и испуг. Нет, надежды мои не оправдались. Цезарь вспрыгивал на шар, но катать его наотрез отказывался. Так и погиб хороший грек.

Цезарю помешал Акбар. Иногда зверей раздражают я. Тигра Бемби никакая сила не заставит идти на трюк, если хлыст у меня будет в левой руке, и стоит только мне взять его в правую, как он моментально, без всякого сопротивления исполнит требуемое. Странно в высшей степени, но факт остается фактом.

При дрессировке животных неожиданности и сюрпризы неизбежны. И в этом, наверно, немалая прелест моей работы.

Оглядываясь сегодня назад, я вижу, как долг и длителен был путь, который я прошел вместе со зверями. И какие-то выводы я могу уже сделать, какие-то итоги могу подвести.

Гуманный метод не просто сердобольный метод. Это, если можно так сказать, уважительный подход к зверю, признание его звериной «личности», использование его способностей, а не подавление их. Этот «человеческий» подход к животному оправдывает себя и экономически. Номера стали получаться скорее, звери меньше нападают и меньше искалеченных зверей.